

— Так, дядя Ду?

— Да, — я еще раз сыграл фрагмент. — Ты молодец, Вань-Вань.

Шэнь Вэньшу счастливо улыбнулся и взглянул на меня.

— Дядя Ду, откуда вы узнали, что папа зовет меня Вань-Вань? Это отец вам рассказал?

Я легонько щелкнул мальчишку по носу.

— Ничего мне твой отец не говорил.

— Тогда это папа?! Это точно папа сказал тебе! — личико Шэнь Вэньшу взволнованно покраснело. — А что ты еще знаешь, дядя Ду?

— Я-то? — я поднял брови. — Я все знаю.

Глаза мальчика широко распахнулись, и выглядел он просто очаровательно.

— Твой папа рассказывал, что, когда Вань-Вань был еще в животике, он очень хотел скорее выйти наружу, и тогда твой папа часто гладил живот и приговаривал: "Малыш, подожди еще немного. Выходи попозже, хорошо?". И поэтому тебя называют Вань-Вань, — я положил руку на плечо Шэнь Вэньшу и вытер его покрасневшие глаза. — Папа очень тебя любит, так что ты должен быть сильным, несмотря ни на что.

Мальчик шмыгнул и собрался с мыслями, вновь положив пальцы на клавиши пианино.

Обычно маленькие дети играют что-то веселое и беззаботное, но сейчас в мелодии мальчика слышалась грусть.

Чтобы учить Шэнь Вэньшу играть на пианино, я начал раньше уходить с работы. Шэнь Цзюньшань работал все так же много. Не знаю, действительно ли в компании было так много дел, или он просто пытался забытья и не хотел появляться дома.

Его старший сын учился в начальной школе.

Второй сын ходил в детский сад.

Что же до того малыша-омеги, которого я видел в больнице, то директор Шэнь держал его при себе и сам заботился о нем.

Мне невольно вспомнилось прошлое собрание, когда малыш, которого Шэнь Цзюньшань

держал на руках, обмочился на нашего серьезного президента. При одной мысли об этом у меня от смеха наворачивались слезы.

Дверной замок дважды повернулся, и я вышел в прихожую. Чтобы как раз успеть поймать бомбочкой бросившегося ко мне Шэнь Вэньсиня.

— Папуля... Па... Папа, — ему очень нравилась эта игра, так что он никогда не называл людей так, как надо. Я поднял мальчишку на руки и пару раз встряхнул.

— Зови дядей, — в который раз повторил Шэнь Цзюньшань. Я даже не мог вообразить, сколько раз он заставлял Шэнь Вэньсиня исправляться. И Шэнь Цзюньшань все еще стоял на своем. В этом я был с ним согласен.

Шэнь Цзюньшань держал младенца на руках. Сняв уличную обувь, он прошел дальше, полностью возложив на меня заботу о старших сыновьях.

Я отвел Вэньсиня помыть руки, волнуясь про себя о Нянь-Няне. Шэнь Цзюньшань, хоть и выглядел интеллигентом, на деле был простым и незатейливым — он мог много думать о Шэнь Вэньняне, но говорить мало.

Что же до моей тоски по кому-то... Я взглянул на семейное фото, висящее на стене. Четверо человек счастливо улыбались. Я горько усмехнулся.

— Как сегодня Нянь-Нянь? — спросил я у двух людей, уютно устроившихся в комнате.

Шэнь Цзюньшань переодевал малыша в сменную одежду и, услышав мой вопрос, неохотно выплюнул:

— Отлично.

Мне стало скучно, и как только я хотел было в смущении убраться куда подальше, Шэнь Цзюньшань вдруг опять заговорил:

— Сядь.

— А?.. О, ладно.

Шэнь Цзюньшань повесил пальто и вместо него повязал на талию фартук. Я заметил, что Нянь-Нянь крепко уснул, потому сам решил пойти проверить домашнее задание у молодых хозяев.

Перед братом Шэнь Вэньшу всегда вел себя как маленький взрослый. Вот и сейчас он с усердием выводил рукой Вэньсиня буквы. При этом младший тоже так старался, что капельки

пота выступили у него на лбу.

Я сел рядом, не желая мешать важной работе братьев.

— Папа.

— Да? — Шэнь Вэньсинь повернулся и посмотрел на меня. — Что такое?

— Дядя Ду, — Шэнь Вэньшу беспомощно нахмурился. — Младший брат не понимает, что я ему объясняю.

Я подошел поближе и взглянул в их записи. Затем я взял карандаш и принялся рисовать.

— Смотри... Вот большое яблоко. Оно Синь-Синя. У старшего братика Синь-Синя четыре яблока. Сколько тогда у вас вместе яблок?

Шэнь Вэньсинь вытянул пальчики.

— Пя... Пять.

— Верно, — я продолжил рисовать. — А теперь представь, что у отца Синь-Синя есть четыре яблока, и он отдал тебе и братцу по яблоку. Сколько яблок останется у отца?

Шэнь Вэньсинь забормотал себе под нос и думал довольно долго, но наконец произнес:

— Нет... не останется.

— Почему же? — похоже, с вычитанием у малыша было не очень. — Четыре минус два...

— Потому что отец отдаст все папочке.

Я ошеломленно застыл, не зная, смеяться мне или плакать. Наконец я просто поменял пример, и молодой хозяин смог его решить.

— Верно... Ну, вот и все.

— Папочка такой умный!

— Точно-точно, — я шутливо ущипнул щечку маленького чертенка, как вдруг откуда ни возьмись рядом материализовался Шэнь Цзюньшань.

— Зови дядей Ду, — он взглянул на меня, и я мельком подумал, что он, похоже, очень долго стоял у двери. Шэнь Цзюньшань перевел взгляд на своих драгоценных сыновей. — Помойте руки перед едой.

Я хотел было уйти, но из-за того, что Шэнь Вэньсинь разрыдался и устроил целый концерт, мне пришлось остаться.

— Дядя Ду остается, поэтому ты должен хорошо есть, — серьезно сказал Шэнь Цзюньшань зареванному Шэнь Вэньсиню.

Тот протянул мне свою короткую ручку.

— Сюда... Садись сюда.

Я взглянул на пустующее место рядом с Шэнь Цзюньшанем, а затем перевел взгляд на равнодушное лицо мужчины.

— Пойдем сюда, Синь-Синь, — попросил я Шэнь Вэньсиня. — Садись рядом с дядей.

Малыш недовольно надул щечки, но все же перетащил свою тарелку поближе ко мне и уселся рядом.

— Папуля, кушай овощи, — ребяенок с огромным счастьем перевалил мне в тарелку большую ложку сельдерея.

— Кушай их сам, — сказал Шэнь Цзюньшань и тотчас терпеливо добавил, — Зови его дядей Ду.

От слов отца Шэнь Вэньсинь расстроился и печально ткнул в рис вилкой. Я с улыбкой положил мальчику в тарелку кусочки моркови.

— Давай тогда дядя скушает зеленые, а Синь-Синь - красные, хорошо?

— И красные, и зеленые невкусные, — раскапризничался Шэнь Вэньсинь и вдруг печально заявил, — Я хочу, чтобы папа рассказал мне историю.

— О, конечно, — слова уже успели вылететь из моего рта, когда я понял, что сказал. И точно - когда я поднял голову, то встретил мрачный взгляд Шэнь Цзюньшаня. Неловко получилось. — Дядя может прийти в другой день и рассказать Синь-Синю историю, хорошо?

— Хочу после купания, — Шэнь Вэньсинь тотчас уперся, прямо как его отец.

— Но...

Куда уж мне переспорить этого маленького упрямого ослика. Шэнь Вэньсинь с полным осознанием своей правоты заявил:

— Папочка пообещал и не может отказаться!

— Если ты не будешь есть как следует, то никаких историй вечером, — Шэнь Цзюньшань, этот тиран, наконец пошел на компромисс, и я с облегчением вздохнул.

Изначально я должен был выполнять обязанности репетитора для старшего сына, но теперь вдруг превратился в мальчика-чтеца для младшего.

Я стоял перед книжным шкафом Шэнь Вэньсиня и просматривал цветастые обложки книг.

— Папуля, папуля, — позвал меня Шэнь Вэйньсинь. Он стоял, завернувшись в одеяло и широко распахнув глаза. — Ты уже выбрал?

Раньше мне никогда не приходилось выбирать выбирать рассказов для чтения, потому я присел возле кровати малыша и спросил:

— А про что Синь-Синь хочет послушать?

— Хочу послушать... Принцессу рыбий хвост!

— Про Русалочку, — я ущипнул щечку малыша. — Хорошо, давай читаем это.

— Давным-давно в океане у подводного царя была любимая младшая дочь... — я гладил карапуза по боку, читая эту старую историю, известную всюду. — ...и маленькая русалочка превратилась в морскую пену, что совсем скоро исчезла в первых лучах солнца.

Я зевнул, но Шэнь Вэньсинь все еще был бодр и весел. Малыш потянул меня за рукав и спросил:

— Почему Русалочка превратилась в пену?

Я подпер голову кулаком.

— Потому что принц не сказал ей, что любит ее.

— А почему он не сказал этого?

Я ненадолго задумался.

— Потому что никто не рассказал ему об этом условии.

Видимо, этим вечером головушку Шэнь Вэньсиня наполняли сто тысяч почему, так что мальчик опять спросил:

— А Русалочка почему ему не рассказала?

— Потому что она не могла говорить, — я сделал вид, что беспокоюсь, и поджал губы. — Она обменяла свой голос на человеческие ноги.

— Но она же может нарисовать или показать жестами, — личико Шэнь Вэньсиня возбужденно покраснело: малыш явно чувствовал, что раскрыл какой-то большой секрет. — Если бы она нарисовала и показала принцу, то тот бы обязательно влюбился в нее. Русалочка не стала бы морской пеной и была бы счастлива. Русалочка глупая.

Я улыбнулся наивности карапуза и погладил его мягкие волосики.

— И то верно. Наш Синь-Синь такой умный.

Мальчик уже успокоился и совсем скоро заснул. Я подоткнул ему одеяло и, не удержавшись, поцеловал его в лобик.

— Сладких снов.

Я вышел из спальни. Дети всегда рано ложились спать, так что сейчас на часах была лишь половина девятого.

Шэнь Цзюньшань заметил, что я вышел из комнаты, и встал с дивана.

— Что ты тут делаешь? — я на миг растерялся.

— Прости, что побеспокоил тебя.

Я будто очнулся ото сна и рассеянно взглянул на Шэнь Цзюньшаня.

— Да ничего. Еще не слишком поздно, так что я пойду.

— Я провожу.

— О, нет, не стоит, — поспешил отказаться я, стоило мне заметить, что Шэнь Цзюньшань снимает с вешалки пальто. — В это время еще ходят автобусы, так что не стоит беспокоиться.

Воспользовавшись его молчанием, я оправил одежду и вышел. Будто боясь, что Шэнь Цзюньшань последует за мной, я со скоростью ветра спустился вниз и только заметив приоткрытую выходную дверь успокоился.

— Уф....

По пути к остановке мне вдруг вспомнились слова Шэнь Вэньсиня, и я нервно улыбнулся. Была ли младшая дочь подводного царя глупой? Она ведь не сказала ничего из-за страха. Страх, что принц по-настоящему полюбил человеческую принцессу. Страх, что любовь принца к ней окажется слабее ненависти и боязни морского народа.

<http://bllate.org/book/13796/1217965>